А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ДОКЛАДЫ

ГРУППЫ ВОСТОКОВЕДОВ НА СЕССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

20 марта 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

Н. А. НЕВСКИЙ

Тангутская письменность и ее фонды

Тангутское государство более известно современному ученому миру под именем Си-ся или Си-хя (букв. Западная Хя), каковое название прилагалось к этому государству китайскими историческими трудами во все время его существования. Главное население государства составляли тангуты, которых древние китайские историки обычно называли tań-xi̯ań, в то время как сами они, судя по тангутским источникам, называли себя 'mi или 'mï-'ni̯ä. Первое из этих названий, повидимому, одного и того же происхождения, что и тибетское слово mi, означающее «человек»; что же касается второго названия, т. е. 'mï-'ni̯ä, то оно, вероятно, тождественно со словом mi-ñag (читай mi-ña^{k} или mi-ñä'), которым тибетцы называли местность к западу от Желтой реки, в которой жили тангуты и которая в Китае обозначалась словом Хэ-си (букв. Запад Реки).

Слово tangut, повидимому, основано на древнем племенном названии tań (ср. tań-xi̯ań), к которому прибавлено окончание — ut, возможно монгольского происхождения (ср. суффикс — ud в монгольском языке при образовании множественного числа от некоторых существительных), хотя термин tangut встречается и задолго до эпохи монгольского владычества, а именно в китайско-турецкой надписи из Кошо-Цайдама, датированной 734 годом. От племенного названия tań образовано, повидимому, и название реки Tań-хо (黨 河), текущей по территории тангутской страны, в Ша-чжоу китайской провинции Гань-су. В древности эта река носила название tu̯o-xi̯ań-хо (都 鄉 河) или ti-ṭsï-ṣui (氐 置 水), т. е. «водою (= рекою), по которой расположены (инородцы) ti». Терминами же ti или k'i̯ań (羌) древние китайские источники называли тибетско-тангутские племена западного Китая.

«Первая история Тан» (Цзю Тан-шу) в главе о народе tań-xi̯ań говорит: «В их племени каждый род в отдельности образует собою группу:

Большие (состоят) более чем из 10 000 всадников, а малые насчитывают по 1000 всадников. (Все они) между собою внутренне не объединены. Имеются роды si-fïn, fei-tʻiṅ, waṅ-li, pʻo-ṭsʻao, ye-tsʻï, faṅ-taṅ, pan-kʻiṅ, tʻo-pa, и tʻo-pa является наиболее сильным родом».

История освобождения этих отдельных племен тангутской народности от власти Китая и образования ими единой империи довольно темна, так как почти единственным источником для этого служат показания китайских исторических трудов, дающих неполные и часто весьма сбивчивые показания.

Среди рукописных тангутских од, обнаруженных мною на оборотных страницах одного тангутского ксилографа 1185 г. из коллекции П. К. Козлова в Библиотеке Института востоковедения Академии Наук СССР, одна ода оказалась воспевающей предков тангутских императоров. Ода эта, на мой взгляд, представляет значительный интерес, приподымая несколько завесу темной истории возвышения тангутов, но, к сожалению, ода полна собственных имен, установление чтения которых сопряжено с громадными трудностями, и в ней масса неизвестных мне идеографов, так что при моем настоящем знании тангутской письменности я еще не в состоянии зачитать полный перевод этой оды, но все же хотел бы остановиться на некоторых местах, доступных расшифровке. Ода эта начинается следующими стихами:

«Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни,
Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки,
Длинных 'mï-'niä — страна там находится».

Этими строками, по-моему, тангуты определяют географическое протяжение своего государства с севера на юг, от песков Гоби на севере до Белой реки на юге. Под Белой рекой, мне кажется, должно понимать реку Бай-шуй, буквально «Белые воды» или «Белая река», стекающую с гор Минь-шань. Часть восточного Тибета, примыкающая к китайской провинции Гань-су со стороны Минь-шан'я, до сих пор носит тибетское название Kham (пишется khams), или еще Kham-mi-ña^{k}, или просто Mi-ña^{k}, т. е. то же самое название, которым, как мы видели, тибетцы называли страну тангутов, называвших себя словом 'mï-'niä. Тангутско-тибетские племена западного Китая древними китайскими историческими трудами часто назывались терминами kʻiaṅ или ti, и вышеуказанная Белая река носила еще название kʻiaṅ-ṣui, т. е. «река кян'ов», и инородческие племена, проживавшие по этой реке, назывались «кян'ами Белой реки» или «ди Белой реки». Все это лишний раз доказывает, что бассейн Бай-шуй был очагом тангутского населения. Когда тангуты освободились от власти Китая, они

назвали свое государство по месту своего исконного нахождения, ^{m}b'ą̊-'mb'ę-lę, т. е. «страною верховьев Белой».

Когда началось освобождение тангутов от китайской зависимости, — сказать довольно трудно. Ясно, что отдельные племена к VII в. уже значительно усилились, и китайское правительство, считаясь с ними, старалось завязать с ними дружбу и привлечь их на свою сторону. Так, напр., «Первая история Тан» говорит: «В третьем году Чжэн-гуань (= 629) главнокомандующий области Нань-хуй-чжоу, Чжэн Юань-шоу, отправил посла переманивать (тангутов). Их атаман Si-fin̂ Pu-lai со всею группой покорился (Китаю). (Император) Тай-цзун издал приказ обласкать его. Вследствие того, что Pu-lai явился ко двору (в честь его) был дан весьма богатый пир и, отделив землю, область Юэ-чжоу, пожаловали Бу-лай'я должностью правителя области (цы-ши)».

Ода, о которой я уже говорил, повидимому, считает родоначальником тангутских императоров какого-то «батюшку Râ-tu», который

«с некой поры, не желая быть малым, замысел великий таил». Он, как это выясняется из текста, имел женою «тибетскую девушку», и у него было «семь сыновей». Повидимому, про эту же тибетскую женщину далее говорится:

«Наша матушка А-ма стала (рода) истоком
(Это) серебряное чрево и груди златые, — хорошее семя не прерывается и носит название «'ṇwei-'mi».

Имени Râ-tu мне пока не удалось отождествить ни с одним именем, встречающимся в китайских источниках; что же касается слова 'ṇwei-,mi, то это, как я уже говорил в одной из своих предыдущих работ, было фамилией тангутских императоров, транскрибированной в китайских исторических трудах идеографами, читающимися wei-min̂ или yü-mi.[1]

Далее в той же оде мы встречаем любопытные строки:

«Когда же впоследствии широко развернулось потомство (появился) 'mi Se-huo̧.
С момента рожденья имел он два зуба;
Когда же подрос он, все десять удач в нем одном собрались(?)
Ведя за собою семь всадников, он явился, чтоб быть государем».

Обратившись к Сунской истории, мы там находим следующее место относительно первого тангутского императора Ki-t's'ien'a: «В четвертом

[1] Н. А. Невский. О наименовании тангутского государства. Записки ИВАН СССР, II, вып. 3, 1933.

году Kien-luṅ (= 963) Ki-t's'ʿien родился в (области) Инь-чжоу, в У-дин-хэ; родившись имел зубы». Из сопоставления тангутского и китайского текстов ясно, что оба они говорят об одном и том же факте, но имена упомянутых в текстах лиц, как мы видели, различны. Вследствие того, что идеографы тангутского текста по своему значению не соответствуют идеографам имени Ki-t's'ʿien китайского, приходится отказаться от мысли, что китайское слово может быть переводом (а не транскрипцией) названного тангутского имени. Я лично предполагаю, что имя Ki-t's'ʿien китайского источника было именем императора, подвергшимся табу в Тангутском государстве и замененным в последнем наименованием большого рода, атаманом которого он был. Мы уже видели, что среди больших родов, перечисленных в «Первой истории Тан», имеется род Si-fïṅ, из которого вышел уже упомянутый Si-fïṅ Pu-lai. Китайские идеографы si-fïṅ очень близко передают тангутское слово se-huǫ. Если мое предположение верно, то окажется, что первый тангутский император Ki-t's'ien происходил из рода ʿnwei-,mi, ответвления большого рода, в котором он к указанному историческому моменту был атаманом. Проще было бы признать хронологическую ошибку китайских династийных историй и отождествить Se-huǫ с Си-фын Бу-лай'ем, но этим пришлось бы отнести рождение первого тангутского императора на 300 с лишним лет назад, что, конечно, невозможно.

Как бы там ни было, в конце X в. тангуты освободились от китайской зависимости и основали свое собственное государство и начали строить свою собственную культуру, об уровне которой мы можем судить по памятникам искусства, хранящимся в Государственном Эрмитаже, и письменным памятникам, хранящимся в Библиотике Института востоковедения Академии Наук.

Первым тангутским текстом, с которым пришлось столкнуться европейцам, была шестиязычная надпись на воротах Цзюй-юн-гуань, датированная 1345 годом, т. е. уже эпохой монгольского владычества, когда государство тангутов уже потеряло свою самостоятельность (последний факт произошел в 1226 г.). Не буду здесь приводить всей истории расшифровки тангутской письменности первого периода (с 1870 г.), скажу только, что известного французского ученого Эд. Шаванна, установившего приблизительное чтение некоторого количества тангутских идеографов (правда, в большинстве случаев мало актуальных), и Мориса, указавшего значения нескольких десятков тангутских идеографов и положившего начало грамматике языка, можно назвать родоначальниками тангутоведения. В 1908 г. наш известный путешественник П. К. Козлов привез из мерт-

вого тангутского города в монгольской степи громадную библиотеку тангутских ксилографов и рукописей, переданных им на хранение в Азиатский музей Академии Наук. Фонд этот является до сих пор не превзойденным ни по количеству, ни по содержанию тангутским фондом. Среди привезенных Козловым ксилографов проф. А. И. Иванов обнаружил весьма нашумевший потом тангутско-китайский словарь «Чжан-чжун-чжу», часть которого он и издал. На основании его работы покойный американский ученый Б. Лауфер в 1916 г. определил место тангутского языка в ряду прочих индо-китайских аморфных языков, установил его близость к языкам Ло-ло и Мо-со и отнес эти три языка (Си-ся, Ло-ло и Мо-со) в одну группу, названную им группой Си-ло-мо. [1]

Английский ученый путешественник Aurel Stein, посетивший во время своей третьей экспедиции развалины Хара-Хото, откуда в свое время Козлов вывез свою ценнейшую библиотеку, также вывез в Англию значительное количество тангутских письменных документов, большинство из которых, если судить по опубликованным образцам, буддийско-религиозного содержания. Проф. P. Pelliot во время своей экспедиции тоже нашел некоторое количество тангутских документов. Мне лично приходилось видеть только фотографии нескольких фрагментов исключительно буддийского содержания. Китайской Бэй-пин'ской библиотеке и известному коллекционеру Ло Чжэнь-юй'ю тоже за последнее время удалось собрать значительное количество тангутских ксилографов и рукописей опять-таки почти исключительно буддийского содержания. В Китае часть буддийских тангутских книг поступила в продажу и была приобретена Киотоским университетом в Японии. Не считая нескольких цзюаней сутры Saddharmapuṇḍarīka из экземпляров Мориса, приобретенных Германией, в последней тоже есть несколько небольших фрагментов; из них некоторые были опубликованы Цахом. Последнее время над тангутскою письменностью работают главным образом китайские ученые, и в особенности Ло Фу-чэн и Ван Цзин-жу. Этими двумя учеными в 1932 г. был выпущен большой специальный тангутский номер «Бюллетеня Национальной Бэйпинской библиотеки», в котором, между прочим, помещено несколько посмертных работ подававшего большие надежды младшего из братьев Ло, именно Ло Фу-чан'а. Ван Цзин-жу последнее время обращает на себя внимание своими работами по изучению тангутского языка и письменности и в особенности своей продуктивностью. Он, не считая отдельных статей, помещенных в разных журналах, в период

---

[1] Н. А. Невский. Очерк истории тангутоведения. Изв. АН СССР, 1931, № 1.

с 1932 по 1934 г. успел выпустить три больших тома своих «Shishiah Studies», насчитывающих около 1000 страниц. Но большинство его работ должно назвать скороспелыми и, в частности, почти все его расшифровки тангутских текстов большею частью страдают смешиванием одного идеографа с другим и поспешностью в заключениях. Американский ученый Wolfenden несколько лет тому назад написал небольшую статью в защиту префиксальных букв в тибетской транскрипции тангутских слов[1] на основании материала одной из моих старых работ, изданных еще в Японии.[2] Недавно он снова написал значительно расширенную работу на ту же тему, использовав почти весь опубликованный мною когда-то материал.[3] Работа сделана аккуратно, но со всеми его выводами согласиться, как мне кажется, невозможно.

Подводя итог всему, что сделано до сих пор учеными разных стран по расшифровке тангутской письменности, должно сказать, что сделано еще сравнительно очень мало. Наибольшие результаты достигнуты в области семантики тангутских идеографов, так как определено значение уже порядочного количества идеографов. Что касается анализа идеографов, долженствующего вскрыть структуру тангутской письменности, то в этом отношении, кроме попыток покойного Ло Фу-чан'а, не сделано почти ничего. Немногим лучше обстоит и вопрос с фонетикой. Хотя Ван Цзин-жу и пытается читать многие идеографы, но чтения эти совершенно не обоснованы, многие из них могут быть названы приблизительными, а многие даже просто выдуманными. Что касается грамматики языка, то в этом отношении, помимо старой работы Мориса, работы Ло Фу-чан'а и моей небольшой статьи о вспомогательных частицах в тангутском языке, не сделано ничего. Такое незначительное, сравнительно, количество добытых до сих пор результатов объясняется, с одной стороны, недостаточностью тангутских материалов как на Западе, так и в Китае и еще более их односторонним характером. Дело в том, что все тангутские фонды, за исключением нашего, почти исключительно состоят из буддийских произведений весьма одностороннего содержания. Научившись разбираться кое-как в небольшом количестве сутр, насыщенных весьма специфическим однотипным содержанием, исследователь не может приступить к чтению светского текста, так как неизбежно натолкнется на массу ему совершенно неизвестных идеографов

[1] Stuart N. Wolfenden. On the Tibetan Transcriptions of Si-Hia Words. CRAS, 1931.

[2] N. Nevsky. A Brief Manual of the Si-Hia Characters with Tibetan Transcriptions. Osaka, 1926.

[3] Stuart N. Wolfenden. On the Prefixes and Consonantal Finals of Si-Hia as evidenced by their Chinese and Tibetan Transcriptions. CRAS, 1934.

и будет стоять в тупике до тех пор, пока дальнейшее чтение сутр не даст исследователю нескольких новых идеографов, могущих помочь ему прочитать одну или две строчки светского текста.

Тангуты, как мы видели, для увековечения своего языка не воспользовались уже готовой идеографической письменностью своего великого соседа — Китая, как это было сделано, напр., корейцами, японцами и аннамитами, применившими эту письменность к своим языкам. Тангуты не воспользовались и алфавитным письмом Тибета, а подобно киданям и чжурчжэням решили и в этой области показать свою полную независимость и изобрели свое собственное письмо, бывшее идеографическим, как и китайское, но по своему внешнему виду бывшее гораздо более сложным, чем последнее. «Jt is perhaps the most complicated system ever invented by a human mind» — говорит по поводу этой письменности покойный Лауфер. Впрочем, анализ тангутской письменности нам ясно доказывает, что на изобретателя ее китайские идеографы и их структура оказали немалое влияние.

Показания китайских исторических трудов относительно изобретения тангутской письменности далеко не совпадают. Одни приписывают это изобретение второму тангутскому императору Ли Дэ-мин'у (Ляо-ши, Си-ся чжуань; Шу-ши Хуй-яо), другие — третьему императору, Ли Юань-Хао (1032—1048) (Сун-ши цзи-ши бэнь-мо; Лун-пин-цзи и Цзинь-ши, Си-ся чжуань), третьи говорят, что Юань-хао, лично изобретя тангутское письмо, поручил ученому Ели Жэнь-юн'у развить это изобретение (Сун-ши, Ся-го чжуань) и, наконец, четвертые приписывают изобретение письменности подданному Юань-хао, некоему Yü-ki или Ye-li Yü-ki, который, уединившись в верхний этаж высокого дома на целый ряд лет, наконец представил императору свой труд в законченном виде («Мэн-ци-би-тань» Сунского Шэнь Го и «Сюй-тун-чжи» Минского Ван Ци). Современные китайские ученые, придавая наибольшее значение данным Сунской истории, отождествляют Yü-Ki с Ели Жэнь-юн'ом и считают, что упомянутое некоторыми источниками имя Ли Дэ-мин'а является ошибочным вместо Ли Юань-хао. Отождествлению Yü-ki с Жэнь-юн'ом способствовало то обстоятельство, что в той же Сунской истории под 1162 г. говорится, что император Ли Жэнь-сяо пожаловал покойного изобретателя письменности Жэнь-юна титулом «Великомилостивого князя» (廣 惠 王). Вследствие того, что у нас нет тангутских исторических документов, освещающих факт изобретения письменности, в этом вопросе приходится опираться на показания китайских источников. Однако среди тангутских придворных од, о которых

я уже упоминал, оказалось одна в честь изобретателя тангутской письменности «учителя И-ри», как его называет эта ода.

Приведу ниже перевод этого текста, насколько это возможно при моем знании этой письменности.

Воспеваю церемонию . . . . . учителя

1. Тибетец, китаец и Ми — у всех троих мать одна;
Несходство речей у них — раздельность земель дала.
На западе дальнем стоит край высокий Тибет,
И в этом тибетском краю — тибетские знаки письма.
5. На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай,
И в этой китайской стране — китайские знаки письма.
У каждого свой язык, и каждый любит его;
Почтенье к своим письменам питает и тот и другой.
У нас же, в нашей стране — великий учитель И-ри . . .
10. На небе звезда письмен — с востока она взошла,
Письмо принеся с собой, она озарила закат.
Набрав себе тысячи три и семьсот студентов, их выправил всех;
Среди областей всей страны не сыщешь теперь такой, где бы море наук не подносили они.
Под небом великим у нас читаются книги свои, и собственный свой этикет.
15. Не шли за Тибетом, и что ж? — пред нами склонился Тибет.
На суше-земле у нас дела свои сами вершим, — и свой государственный чин.
Не подчинились Китаю, и вот — преклонился пред нами Китай.
И даже, кроме того, как непрерывен у нас императорский род (?),
Непрерывна чреда кандидатов ʼmï-ʼnjä.
20. В различных приказах у нас, среди штата чинов
Приказных чиновников больше всего из ʼmï-ʼnjä.
О всем этом ныне подумайте вы!
Раз то не заслуга учителя, скажите же чья?

Судя по данной оде, фамилия изобретателя тангутской письменности была И-ри, что как-будто соответствует фамилии Е-ли китайских источников. Так как фамилия Е-ли была фамилией киданьской, то можно было бы предположить, что изобретателем тангутского письма был киданец. Однако фамилию И-ри мы находим в одном тангутском документе при перечислении чисто тангутских фамилий. Киданьскую же фамилию, как то следует из одной тангутской оды, тангуты тоже читали Е-ли или Ye-lü. Возможно, что китайские историки из-за отсутствия в китайском языке звука r смешали тангутскую фамилию Iri (в китайском произношении i-li)

с киданьской Ye-li и изобразили ее теми же идеографами. Наша ода не дает имени изобретателя письменности, но так как заголовок говорит о какой-то церемонии в честь учителя Irí, то можно предположить, что она составлена по случаю дарования Ели Жэньюн'у почетного посмертного титула, каковой факт имел место, как уже было сказано, в 1162 г., и в таком случае имя изобретателя окажется Жэнь-юн, причем это китайское сочетание как имеющее вполне определенный смысл и составленное в духе собственных имен должно рассматриваться как китайский перевод тангутского имени.

В только-что зачитанной оде мы видели следующие строфы:

«На западе дальнем стоит край высокий Тибет...
. . . . . .
На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай»...

Этими словами сами тангуты отмечают естественное положение своего государства между двумя большими государствами того времени, Тибетом и Китаем. Такое соседство не могло не наложить своего отпечатка на жизнь и культуру тангутского государства. Можно было бы еще предполагать влияние культуры киданьской, но последнее едва ли было велико. Сами тангуты в одном из своих стихотворных произведений, «Крупинки золота на ладони», так характеризуют себя и своих соседей:

«'mï-'ṇḏä (= тангуты) смело и бодро идут вперед,
Кидане ступают медленным шагом,
Тибетцы большею частью чтут будд и монахов,
Китайцы же все любят светскую литературу».

Тибет, повидимому, влиял на Тангутское государство своей религией — буддизмом, в то время как Китай, наиболее культурный из всех соседей тангутов, оказывал влияние на все «светские» стороны жизни. В Тибете в это время феодальные князья всячески покровительствовали провозвестникам этой религии, которыми часто бывали индусы, бежавшие из Индии. В это время усиленно переводилась в Тибете буддийская трипитака, что положило начало будущему Ганьчжуру. Тангутские императоры на манер тибетских князей стали усиленно насаждать буддизм среди своих подданных и, создав тангутскую письменность, вместе с императрицами и влиятельной духовной аристократией принялись за перевод буддийских произведений как с тибетского, так и с китайского языков.

Переводы с китайского языка объясняются тем фактом, что в Китае уже имелись переводы почти всей трипитаки, а в Тибете, повидимому, еще

нет. И для приобретения этой китайской трипитаки неоднократно тангутские императоры обращались в Китай и выменивали ее на коней и другие ценные подарки. Сами императоры, во всяком случае во времена императора Жэнь-сяо (1139—1194), были, повидимому, полудуховными правителями, ибо придворные оды величают своего императора «гуманным царем бодисаттвой» и даже «буддой — сыном неба». Судя по предисловию императора Жэнь-сяо к переводу сутры «Восхождения Майтреи на небеса Тушита», на определенных торжественных религиозных собраниях читалась трипитака на трех языках: тангутском, тибетском и китайском. Вышеназванная сутра была отпечатана на тангутском и китайском языках в количестве 100 000 экземпляров, а сутры Vajracchedikā, Пу-хянь хин юань пинь (普賢行願品) и Гуань-инь пу-мынь пинь (觀音普門品) — каждая по 50 000 экземпляров, которые раздавались верующим. Из этих цифр можно видеть, как усиленно проводился буддизм в стране.

Стараниями императоров, императриц и духовной аристократии, повидимому, была переведена если не вся буддийская китайская трипитака, то большинство ее. Обращаясь к коллекциям Азиатского музея, мы здесь находим переводы таких больших сутр, как Mahāprajñāpāramitā, Mahāratnakūṭa, Mahāparinirvāṇa, Mahāvaipulyabuddhāvataṃsaka, Buddhabhāṣitabuddhamatṛjatatridharmapiṭaka, Suvarṇaprabhāsa, а также Saddharmapuṇḍarīka, Vimalakīrtinirdeśa и много других мелких сутр, из которых можно отметить уже упоминавшиеся сутры «Восхождения Майтреи» и Vajracchedikā, имеющиеся в коллекции в виде ксилографов разного размера и шрифта. Некоторые томики вышеперечисленных сутр (в особенности это касается Mahāprajñāpāramitā) представлены в двойном и даже тройном количестве манускриптов, что доказывает, что это делалось из благочестивых побуждений к религиозному подвигу, так как почти все сутры предписывают верующим переписку сутр, обещая за это награду в будущей жизни. Такого рода переписка священного писания, предписываемая его составителями, в те века, когда еще не было печатания, конечно преследовала своею целью пропаганду этого писания и таким образом помогала жрецам в деле распространения религии, что должно было мало-помалу укреплять позиции жреческого сословия и улучшать его материальное благосостояние. Отделы трактатов (śāstra) и дисциплины (vinaya) в нашей коллекции представлены довольно слабо, и в большинстве случаев произведения этих отделов сохранились лишь в виде небольших неполных книг. Все же из этих отделов можно назвать Sūtrālaṃkāra, Mahāprajñāpāramitā śāstra, краткий комментарий на трактат относительно сутры Buddhāvataṃ-

saka (Nanjio № 1602), Yogācāryabhūmi, Трактат из десяти сомнений относительно Чистой страны (Nanjio № 1574). Общее введение к различным толкованиям по поводу происхождения dhyāna (Nanjio № 1647), Mahāyānābhidharmasaṇgitiśāstra, Abhidharma-nyāyānusāra-śāstra, Трактат о сокровищнице (Бао-цанлунь), Mūlasarvastivādanikāyamatṛka и Mūlasarvastivādaikaśatakarman и некоторые другие.

Все вышеперечисленные произведения являются переводом с китайского. На ряду с этим находим довольно большое количество произведений, переведенных и с тибетского языка. Из этого рода переводов, имеющихся в коллекции, можно назвать Ārya-aṣṭasahasrikāprajñāpāramitā, Ārya-mañjuśrī-nāma-saṁgīti, Pañcarakṣa, Bodhicaryāvatāra, Ārya-Prajñāpāramitāratnaguṇasaṁcayagāthānāma, Ārya-Prajñāpāramitāhṛdaya, Satyadvayāvatāra, Abhisamayālaṁkāra-Prajñāpāramitā-upadeśaśāstra-vṛtti, Nyāyabindu, Samādhisambhara-parivartta-nāma, Bodhi-cittotpādasamādāna-vidhi, Saptaguṇaparivarṇa-nākathā, Pratiṣṭhāvidhi, Vajrayānamūlāpatti-saṁgraha, Gaṇacakrapūjakrama, а также большое количество мелких произведений тантрического характера в виде sādhanā и всяких восхвалений тантрических богов вроде Hevajra, Saṁvara, Vajravarāhī и др. Имеются произведения, приписываемые почитаемому в Тибете Narora, а также приписываемые знаменитому тибетскому Milarepa.

Помимо переводных буддийских произведений, тангуты писали и оригинальные, которые носили или мистический или созерцательный характер, или проповеднический, в чем можно усмотреть точную копию с Тибета, где в эту эпоху усиленного перевода буддийских произведений с санскритского языка буддизм еще не принял философского характера, а выливался главным образом в моральные проповеди и мистику. Тангутские буддийские авторы, по всей вероятности, подражали здесь образцам своих тибетских собратий, используя при этом в качестве иллюстрации китайские исторические факты.

Из писателей в проповедническом стиле можно назвать монаха по имени «Источник драгоценностей» (по-китайски Бао-юань) из храма «Великого спасения народа» (Да-ду-минь-сы), который был известен также как переводчик буддийских произведений на китайский язык (с санскрита?)

В нашей коллекции имеется небольшой томик его произведений, называемый «Сборник мудрости», который, судя по колофону, был отпечатан (ксилографическим путем) в 1188 г. Этот сборник заключает различного рода моральные проповеди в виде рассуждений о вреде пьянства, блуда, о женщинах-мирянках и пр.; при этом прозаические произведения

перемежаются стихами с моральной тенденцией. Для иллюстрации такого рода произведений позволю себе привести небольшое рассуждение вышеназванного автора «О женщинах-мирянках».

О мирских женщинах

Вообще на светских женщинах-мирянках масса прегрешений. Будда говорил, что их лживость превосходит мужскую. Одни из них мажут голову, красят лицо... прихорашиваются, другие, разодевшись в расшитую пеструю парчу, обольщают глупцов; иные жеманятся..., поглядывают искоса, напевают, смеются; иные, мелодично распевая изящные слова, наблюдают за зрителями (?), некоторые, выставляя грудь, берут за руку, понуряют голову и склоняют лицо, или же, плавно идя по дороге, колышут телом и любуются впечатлением, или же, подымая брови и напрягая зрачки, то грустят, то радуются, чем очаровывают глупцов и смущают сердца. Всех таких уловок и кокетства пересказать невозможно. Опьяняя глупый народ, заставляют его терять голову. Совсем как у злого разбойника, ухищрений у них масса, или же они подобны разукрашенной вазе с калом, вводящей в заблуждение человека, они подобны силкам, в которые попадаются птицы, они — словно сети, в которые ловится рыба, — как бы прикрытые ямы, в которые попадают слепцы, подобны костру, на который летят мотыльки, они — то же, что вонючий труп, на который слетаются мухи. Сближение с ними разрушает царства, соприкоснуться с ними — то же, что схватить ядовитую змею. На устах у них мед, а сердца — словно хищные птицы. Бедность и страданье семей — из-за женщин, уходят в пустыню и кончают с жизнью из-за женщин, в семьях разлад — из-за женщин, дети не почтительны (к родителям) из-за женщин, рознь между братьями — тоже из-за женщин, отчужденность близких — тоже из-за женщин, получение дурного возмездия (в будущей жизни) — тоже из-за женщин, невозрождение человека на небесах — тоже из-за женщин, преграждение пути к доброй карме — тоже из-за женщин и неполучение плода блаженства — тоже из-за женщин. Всех прегрешений этих не перескажешь. Живые существа таким образом поистине сожаления достойны, им не избежать вечного горения в огне геенны, а посему получение страданий не будет иметь конца.

Однако не все в тангутском государстве были монахами, не всех трогали проповеди монахов о бренности всего земного и поэтому не всех могли удовлетворить буддийские сутры, толкования на них, методы созерцания, правила жизни, предписываемые монахам. Тангутское государство было государство молодое, выбившееся из долгого закрепощения его Китаем. Поэтому тангутские императоры, стараясь обеспечить свою страну от вторичного закабаления ее Китаем, решили в первую очередь вооружить правящие классы китайским же оружием — идеологией и постепенно при-

вить народу китайскую культуру. С этой-то, а не с какой-либо другой целью в 1145 г. в Тангутском государстве была учреждена ученая академия по образцу китайской, и ученые этой академии принялись за выполнение этой задачи, которое выразилось в усиленном переводе китайских книг. Здесь в первую очередь, повидимому, стали переводиться военные трактаты древних китайских стратегов. Эти древние военные трактаты, снабженные комментариями позднейших ученых, иллюстрировавшими все теоретические положения трактатов наглядными примерами из китайской военной истории, долгое время служили как в самом Китае, так и в других странах китайской культуры учебниками тактики и стратегии для военного сословия. Такого рода переводы должны были помочь тангутским императорам создать себе регулярную армию, которая могла бы вести правильную как наступательную, так и оборонительную войну с внешними врагами, в частности нападать на китайские провинции и обороняться от набегов монголов, и которая могла бы усмирять внутренние восстания, которых, судя по китайским источникам, в Тангутском государстве было не мало.

Из книг этого рода, имеющихся в нашей коллекции, можно отметить следующие:

1. «Военные тексты Сунь-цзы в трех комментариях», другими словами, перевод китайского классического военного трактата «Сунь-цзы» в комментариях Вэй(ского) Цао(-цао), Танского Ли Цюан'я и Танского же Ду-му (см. табл. I).

2. «Три тактики» Хуан Ши-гун'а с комментариями. Перевод другого китайского военного трактата, приписываемого некоему Хуан-ши-гун'у (см. табл. II).

3. «Шесть секретов» — перевод китайского военного трактата «Лю тао» без комментариев.

Все вышеприведенные три трактата представлены в коллекции ксилографами, что свидетельствует о распространенности данных книг и важности придаваемого им значения.

Помимо военных знаний, пересаживалась на тангутскую почву и китайская конфуцианская мораль, ставившая своею главною целью научить правителей править государством, а подданных подчиняться своим правителям. Начало переводам китайских классических книг, судя по Сунской истории, было положено тангутским императором Ли Юань-хао (1032—1048), будто бы переведшим с китайского языка на тангутский классическую книгу о сыновней почтительности, так наз. «Сяо-цзин», и древнейший классический словарь «Эр-я».

Из книг подобного рода в нашей коллекции можно назвать.

1) Вторичный перевод «Сяо-цзин'а» с комментариями. Вследствие того, что эта рукопись, сохранившаяся почти полностью (не хватает только конца последней XVIII главы), написана весьма беглым курсивом, переходящим в скоропись, читать ее очень трудно, и еще труднее было определить автора комментариев. Однако аккуратный разбор основного текста книги, оказавшегося так наз. «новым текстом» (цзинь-вэнь) Сяо-цзина, помог привыкнуть к почерку переводчика и разобрать предисловие автора. Судя по колофону предисловия, помеченному 2-м годом Шэн-шао (= 1095), автором комментариев был известный сунский ученый Люй Хуй-кин, представленный в китайском фонде Библиотеки Института востоковедения комментариями на Чжуан-цзы. Имя переводчика нигде не указано (см. табл. III).

2) Ксилографированный Лунь-юй или сборник бесед Конфуция с его учениками. Книга с комментарием, не совпадающим ни с одним из существующих китайских комментариев, хотя и опирающаяся на них. Так как книга имеется в коллекции не полностью, а лишь в некотором количестве значительных фрагментов, то трудно установить имя комментатора. Возможно предположить, что автором комментария, равно как и переводчиком основного текста, был тангутский министр и ученый Ва Дао-чун, относительно которого китайские источники говорят, что он написал комментарий на Лунь-юй под названием «Лунь-юй сяо-и» (см. табл. IV).

3) Рукописные фрагменты тангутского перевода «Мэн-цзы» с неустановленным комментарием (см. табл. V).

4) Фрагменты ксилографированного «Чжэн-гуань чжэн-яо» — труда Танского У Цзина, излагающего беседы китайского императора Тай-цзун'а с его приближенными в годы правления Чжэн-гуань (см. табл. VI).

Сюда же можно отнести перевод китайских книг более популярного содержания, вроде собрания различных исторических эпизодов из истории двенадцати удельных княжеств эпохи Чунь-цю (возможно, что это перевод сунской книги Ши-эр-го лио-ши «Краткая история двенадцати царств»), или вроде перевода китайской книги Лэй-линь «Лес категорий» (имеются томы IV—X) разнообразного содержания (о верных вассалах, повстанцах, чародеях, известных монахах и пр.).

Тангуты и сами составляли сборники переводов из различных китайских книг, преследуя единую цель привить получающим образование китайскую конфуцианскую мораль. Таков, напр., рукописный сборник в нашей коллекции, носящий название «Вновь собранных записок о любви и сыновней

почтительности», представляющий собою компиляцию из различных рассказов о добродетельных сыновьях, братьях и женщинах — рассказов, разбросанных в китайских оффициальных династийных историях.

Составителем этой книжки был, повидимому, китаец, носивший имя 曹道安 Цао Дао-ань (или 道樂 Дао-ло). Оригинальные тангутские произведения этого типа недалеко ушли от подобного рода компиляций. Они полны выдержек и цитат из китайских классиков на моральные темы, и эти цитаты, между прочим, были также изданы ксилографическим путем в виде отдельной книги цитат.

К такого рода «оригинальным» тангутским произведениям можно отнести имеющиеся в нашей коллекции две книжки, носящие одно и то же название «Сборник доблестного (достойного) поведения». Один из них, повидимому, предназначался для самих императоров и высшей придворной знати, так как толкует о воспитании идеального в конфуцианском смысле государя, начиная чуть не с пеленок, о выборе ему воспитателей и пр.; второй же из этих сборников толкует о так наз. «благородном человеке» (цзюнь-цзы). Приведу для иллюстрации небольшой отрывок из этого второго сборничка.

Из книги «О достойном поведении»

«Не бывает, чтобы муж благородный (цзюнь-цзы) не чтил церемоний, не бывает, чтобы он не исполнял слова, не бывает, чтобы он был непочтителен к родителям, не бывает, чтобы он не верил в исполнение долга. Понимает он различие между умным и глупым и проводит разницу между правдой и кривдой. От требований многого сердцем не помутняется, из-за стремлений к выгоде не свершает ошибок, от хулы и похвал сердцем не меняется, из-за огорчений и не думает злобиться. Обладаемая им доблесть широка и обширна, сердечные стремления тверды и устойчивы. Потому-то и говорят, что он чист, как вода. Все это составляет сущность благородного мужа. Кроме того муж благородный в своем поведении подобен солнцу с луной и в своих способностях сходен с горами и долами, согласуется с четырьмя временами года и находится в гармонии с Небом-Землей. Он, как солнце с луной, что не светят пристрастно, он как зима и лето, что справедливы ко всем. Он словно горы и долы, что вмещают в себе целый мириад вещей. Благородному мужу, обладающему доблестью, все четыре страны возносят хвалы, владыке города, обладающему доблестью, хозяева домов выражают почет; сородича, обладающего доблестью, весь род уважает и чтит; если обычная семья обладает доблестью, то дом этот растет и процветает. У Неба нет близких, обладающему доблестью оно помогает. Ведь один стебелек ароматной травы не чета мириаду (сорных) трав. Все люди любят его.

Кроме того муж благородный из-за собственной выгоды на других не гневается, недостатки другого себе в достоинство не возводит, при унижении

другого себя не возносит, при порицании другого себя не восхваляет, с неподходящими людьми дружбу не ведет; по отношению к человеку, затаившему злобу, не ищет отмщения. С другой стороны, муж благородный от облагодетельствованного человека благодарности не ждет, неподходящими вещами не пользуется; без заслуг награды не принимает. Люди-предки в своем поведении действовали, лишь следуя доблести и искренности. Ныне же люди действуют исключительно обманом и фальшью. Из различных добрых деяний ни одного не свершают, в любом деле постоянно двойное сердце имеют. Добро и зло смешиваются, правда с кривдой идут вместе, чистое становится мутным, и кривое становится прямым. Все это — глупые и безумные люди. Хотя бы даже они уселись на высоком посту, они непременно станут источником несчастий и бед.

Помимо конфуцианских тангутами впитывались и даосские идеи, ибо цитаты из Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и Хуай-нань-цзы в обильном количестве встречаются в вышеупомянутом сборнике цитат. Помимо этого встречаются и переводы небольших апокрифических произведений, провозглашающих торжество даосских идей над конфуцианскими и выводящих Конфуция и его ученика Цзы-лу иногда в довольно смешном виде, — но таких произведений в нашей коллекции мало. Образцом этого рода литературы может служить 夫子和壇記 «Записки об алтаре примирения Конфуция».

Из других оригинальных произведений тангутов можно назвать «Море значений» (или смысла). К сожалению, книга имеется в нашей коллекции далеко не полная. Судя по оглавлению, это своего рода энциклопедия знаний, состоявшая из пяти томов, разбитых на 15 отделов, которые почти точно копируют состав китайских энциклопедий.

Приведу ниже краткое содержание каждого из них:

1) Небо, солнце, луна, звезды, планеты, созвездия.

2) Небесные явления, как то: облака, дождь, снег, град, гром, молния, радуга, ветер.

3) Понятие о годе и месяцах.

4) Земля и горы.

5) Флора.

6) Минералы, вода, лодки, мосты, поля, сельскохозяйственные орудия.

7) Злаки, драгоценности, материи.

8) Одежда, еда и напитки.

9) Фауна.

10) Правители страны (вдовствующая императрица, император, императрица, наследный принц, принцы крови, сановники).

11) Религия, правительственные учреждения, войска и оружие.

12) Постройки, города, посуда и утварь, орудия, меры и весы, упряжь, музыкальные инструменты.

13) Человеческие дела и градации людей.

14) Родство (сюда же относится и отдел о сыновней почтительности).

15) Мужчины и женщины (приводятся различные моральные категории), прислуга, дружба, богатство и бедность.

Как видно из этого оглавления, если бы книга сохранилась полностью, она могла бы дать многое для познания жизни Тангутского государства. Книга состоит из коротких (повидимому, стихотворных) сентенций, каждая из которых комментируется мелким шрифтом иногда очень подробно с массою примеров из тангутских и китайских книг. Для иллюстрации приведу короткую выдержку из фрагмента третьего отдела относительно месяцев.

Под восьмым (лунным) месяцем читаем: «В восьмой луне созревают плоды персика, шиповника, acacia catechu, виноград; косят зрелую коноплю и, поджарив плоды..., делают масло». Под одиннадцатым месяцем читаем: «Одиннадцатая луна относится к (цикл. знаку) крысе». Далее там же: «В средний день зимы наблюдают облака. Если цвет облаков желтый, то будет большой урожай, если зеленый, то в будущем году будут насекомые, если белые — то будут болезни и смерти, когда красные — будет война, когда черные — будет наводнение».

Наконец под двенадцатой луной в комментарии читаем: «Зимой в конце холодной (12-й) луны барсы и тигры спариваются — и в следующем году в седьмой луне производят потомство». Или там же: «Для будущего года на время работ по обработке земли чинят сельскохозяйственные орудия».

Судя по китайским историческим трудам, уже упоминавшийся мною министр и ученый Ва Дао-чун составил «Оракул к гаданию по И-цзину». И вообще, всякого рода гадания (мы уже знаем о гадании по облакам), повидимому, в Тангутском государстве процветали. В нашей коллекции мы имеем две-три рукописи относительно гадания по звездам и планетам. Одна из них, называющаяся «Сборник тайн пяти планет», судя по колофону, составлена в 1183 г. тангутом по фамилии Гу-лэ и по имени «Гуманный и мудрый» (仁 慧). Среди коллекций Государственного Эрмитажа, привезенных тем же П. К. Козловым, мы находим рукописный фрагмент тангутского труда по физиомантии. В наших коллекциях тоже встречаются различные мелкие записки по всякого рода гаданиям, как то: гадание относительно пола утробного младенца, гадание по крикам ворона, пере-

числение стран света с указанием, когда и кому они приносят счастье или несчастье и т. д. Во всех этих гадательных произведениях чувствуется сильное влияние Китая и китайских гадательных систем. В нашей коллекции имеются образцы тангутского календаря. Тангутская медицина тоже находит небольшое количество своих представителей в нашей тангутской коллекции. Так, напр., имеется описание 紫菀丸 Цзы-юань-вань, т. е. «пилюлей из *Aster tartaricus*», рекомендуемых от всех болезней. Дается подробный рецепт с точным указанием количества составных частей и способа составления пилюли. Далее указывается, как надо принимать пилюли при тех или иных заболеваниях и, наконец, приводятся (китайские) исторические примеры исцеления болезни от данного лекарства. Кроме того мною обнаружен небольшой фрагмент по аккупунктуре. Оба этих медицинских произведения, если не точный перевод с китайского, то во всяком случае ясно, что основываются они на китайских источниках. Имеются далее книги с указанием рецептов для лечения лошадей; выбору лошадей тоже посвящено несколько работ. Далее, в нашей коллекции имеется весьма интересный труд, исследование которого должно осветить как государственный строй Тангутского государства, так и все людские взаимоотношения в нем. Я имею в виду «Измененный кодекс законов эпохи Небесного Процветания» (1149—1171), состоящий из 20 с лишком книг. Кодекс этот был составлен целой комиссией ученых. Упоминание нескольких переводчиков с китайского заставляет предполагать, что данный кодекс был переводом Сунского уложения, приноровленным к тангутской специфике.

Кроме этого ксилографированного большого труда, имеющегося в коллекции почти полностью, мы находим еще рукописные книги другого кодекса, носящие название «Новые законы» года обезьяны эпохи 光定 (=1212).

Переходя к тангутской поэзии, должно отметить влияние на нее поэзии китайской и тибетской. Наиболее распространенные размеры этого вида поэзии, повидимому, были пяти- и семисложные строфы. Существовала ли в этих стихах рифма, как в китайской поэзии, — пока не установлено тангутское произношение, ответить на это затруднительно. Из такого рода поэтических произведений можно назвать уже упоминавшееся мною произведение «Крупинки золота на ладони», представляющее собою стихотворное сочинение из пятисложных строф, состоящее из 1000 идеографов, которые за одним единственным исключением не повторяются по 2 раза. Книга, повидимому, предназначалась для начинающих изучать иероглифику с целью облегчения запоминания фонетической стороны идеографов, в чем можно усмотреть аналогию с китайским «Тысячесловием»

Цянь-цзы-вэнь, преследовавшим ту же цель. Однако тангуты предпочитали не однообразные пятисложные или семисложные строфы, а такие стихи, в которых обычно строго выдерживается параллелизм, но число слогов не обязательно одинаково в каждой строфе. Так мы имеем, напр., стихи такого размера: 7, 7, 10, 7, 7, 10, 10, 7, 7, 10, 10, 6, 11, 6, 11 и т. д., или другой пример: 6, 6, 11, 6, 6, 6, 7, 6, 7, 6, 6, 7 и т. д. Мы уже видели по цитированному выше переводу оды в честь изобретателя письменности насколько силен в этих одах параллелизм содержания. Тангуты в своей поэзии обильно пользовались китаизмами, китайской конфуцианской идеологией и не брезговали китайскими словами. Так, в этой поэзии мы часто сталкиваемся с именами китайских князей древности, считавшихся идеальными с конфуцианской точки зрения государями, как то: Яо, Шунь, Тан, У-ван, Чжоуский Вэнь-ван и пр. Из китаизмов можно назвать понятия «небо-земля», «восемь стран» (направлений), «четыре моря», «поднебесная», «мириад лет» (в значении «ура»), совершенный «светлый царь», «девятиярусный» (в смысле императорский дворец), «семизвездный ковш» (Б. Медведица) и др. Из китайских слов, встречающихся в тангутской придворной поэзии, отмечу «хун-ни» (радуга), зверь хе-чай,[1] трава кюй-и.[2] На ряду с китайской идеологией находим и идеологию буддийскую, выразившуюся в заимствованных из сутр понятий вроде гора Сумеру, мир саха, царь Брама, будда Майтрея, śali (шарира, мощи), дождь «сладкой росы» (т. е. amṛta), «три жизни» (три стадии существования), «закон златых уст» (т. е. религия Будды) и пр.

Приведу несколько выдержек из тангутской поэзии, напр.:

«Яо и Шунь были страшно добры, —
Не было слышно при них про отцов и братьев дурных;
Вэнь-ван из Чжоу любил веселиться с людьми,
Дети свои и дети других лицом ему были равны».

Или из другой оды:

«Среди тысячи миров нет подобного
Стране верховьев Белой с ее совершенным светлым царем.
Идея любви жизни у него от рожденья, она превыше небес.
Его поведенье с ненавистью к смерти, ни от кого не заимствованное — шире земли.

---

[1] Название легендарного единорога, умевшего отличать виновных от невинных; его изображение было символом судейской справедливости.

[2] Название легендарного растения, произраставшего во дворе «идеального» императора Яо и умевшего отличать коварных людей.

Среди столпов, что держат Небо, не найти клеветников;
Все вассалы, что служат государю, исключительно преданные.
В деле правленья страны единое стремленье — брать за образец Яо и Шуня.
В образе воспитанья народа нет иной мысли, как следовать пути Тан'а и У».

И далее:

«Под августейшим Небом все покорны ему,
На континенте-земле он единый владыка,
На царей (всех) восьми направлений гнева не подымает,
С народами четырех морей мир совместный берет».

Или, напр., такая ода:

«Некоторые цари-государи до крайности дошли:
Зверя хе-чай'я считая (символом) преданности,
На великой Небо-Земле у какого-то зверя ищут премудрости;
Про травку кюй-и говорят, что в ней-то сама почтительность,
И здесь они тоже у какой-то травинки ищут силы мышления.
Ныне царствующий святой государь на них не похож, по идеям обширен;
С пути своих предков отобравши хорошее, отстраняет плохое,
Знатного феникса он не считает знаменем счастья,
Мудрых и умных людей, почитая за счастье, встречает почетом;
Про червонное золото да белое серебро не говорит, что только они драгоценности,
Правдивые и преданные вассалы — вот драгоценность, так говоря, по всем правилам их подымает.
С августейшего Неба Звезда счастья, своим ухом внимая,
С сердцем довольства и радости на помощь государю приходит.
Из прекрасного рога высокий царский престол занимая,
Получай преимущества над государями стран!
Со счастливым народом обширной землей управляя,
Над прочими всеми царями доблестью славься и радуйся!

Особо должно отметить еще один вид поэзии, который я перевожу «изречения» и который облечен в пару строго параллельных строф с одинаковым количеством слогов, колеблющимся от 3 до 18 в каждой строфе. Наибольшее количество таких изречений имеет по 7 слогов в строфе. Эти изречения интересны тем, что в них, помимо тех или иных заимствований у соседних народов, можно распознать и образцы настоящего народного творчества или фольклора, выражающего народную мудрость. Они весьма напоминают наши пословицы. Подобного рода «изречения» попа-

даются там и сям в уже упоминавшейся мною книге «Море смысла», где они называются стихами, так что, повидимому, в них была и рифма. Вот несколько образцов из данной книги:

1) Умный человек женское поведенье в расчет принимает,
глупый человек женскою наружностью дорожит.
2) Обладающий скотом не богат, обладающий умом богат.
3) Старший брат род продолжает, младшие братья ночуют где попало.

Но в нашей коллекции есть и специальная книга, состоящая только из таких изречений. Судя по имеющимся в книге предисловию и послесловию, она была составлена в 1176 г. тангутским ученым Лян Дэ-Ян'ом 梁德養 (судя по фамилии и имени — китаец) из разбросанных в разных произведениях «изречений» и, повидимому, из существующих на устах людей пословиц. Но преждевременная смерть не дала составителю возможности увидеть его произведение напечатанным, тогда другой ученый по имени Ван Жэнь-чи 王仁持 проредактировал его произведение и издал в 1187 г. Вот образцы этих изречений из данной книги:

1) Как муравей ни старайся, на царя-льва похожим не станет.
Как муха не прихорашивайся, с златокрылой птицей видом не сравнится.
2) Не почтителен к отцу, к матери — страданья и несчастья умножатся.
Не почитаешь мужа ученого — успех и знанье уменьшатся.
3) Нет лучших близких, чем отец с матерью.
Нет мяса вкуснее, чем мясо на костях.
4) У разумного отца безрассудный сын на отце сидит; отец умрет, он вниз свалится.
5) У безрассудного отца разумный сын под отцем находится; отец умрет, он вверх вылезет.
6) Если в натягивании лука и стрельбе слаб, — стрелу не пускай.
Если речей говорить не умеешь, то рта не открывай.
7) (Человек) с жалованьем незначительным на государственной службе ревнителен;
Жена некрасивая мужу верна.
8) Неприкрашенные две красоты — зелень и молодость.
Неподмазанные две уродливости — бедность и старость.
9) Если у богатого скот еще не истощился, то когда неудачник-сын подрастет, исчерпаться будет нетрудно.
Если бедняк имущества еще не накопил, то когда удачливый сын родится, богатство недалеко.
10) Большое делая, — не торопись.
Далеко отправляясь, — не спеши.

11) Лед растает, вода появится.
Тучи рассеются, луна выглянет.
12) Птица усядется, — к ветру грудь выставит.
Рыба заснет, — против воды голову повернет.
13) Красоту любя, могущественным не станешь.
Соблюдая строгое приличие, доблести не достигнешь.
14) Непреложность смерти железом не свяжешь.
Быстротечность жизни пешком не догонишь.
15) Волк поест, — объедки оставит.
Вор унесет, — следы останутся.
16) У пристыженного двух лиц не бывает.
Умерший двумя жизнями не обладает.
17) На горе снег лежит, — значит высокая.
В человеке достоинство есть, — значит благородный.
18) Пожалеешь, — красиво оденешься.
Сэкономишь, — сладко поешь.
19) За добром зло тянется.
За красивым некрасивое стоит.
20) На голову не смотрят, на хвост смотрят.
Великого не почитают, ничтожного почитают.
21) Тысячи белых солнц материнская прелесть жарче.
Мириада красных месяцев отцовская мудрость светлее.
22) Посыльный жизни не жалеет.
Выпущенная стрела места не выбирает.
23) Дожди пятой луны деловые люди ненавидят.
Луну ночью воры не любят.
24) Вор и обманщик — одно слово.
Продавцу и торговцу — одна цена.

Особенно должно отметить в нашей коллекции обилие лексикографической литературы, что показывает, насколько был важен и актуален для тангутов всякий вопрос, связанный с их идеографической письменностью. Помимо уже упоминавшегося тангутско-китайского словаря Чжан-чжун-чжу, в нашем фонде имеются всевозможные словари, начиная от словарей, недалеко ушедших от простого списка всех тангутских идеографов в известной фонетической последовательности, до словарей с подробным описанием расположенных по тонам и рифмам идеографов, описанием с точки зрения структуры идеографа, его семантики и его фонетики. Последняя поясняется тангутскими же идеографами по китайскому методу рассечения, т. е. фань-це. Аккуратное обследование всех этих фань-це с привлечением данных фонетических таблиц, составленных по китайскому образцу, поможет теоретически вывести и обосновать тангутскую фонетику для большей части идео-

графов. Этому обследованию фонетической стороны идеографов должны помочь также фрагменты тангутских текстов с тибетской транскрипцией, имеющиеся в нашей коллекции и в незначительном количестве в английской коллекции Aurel Stein'a в Британском музее.

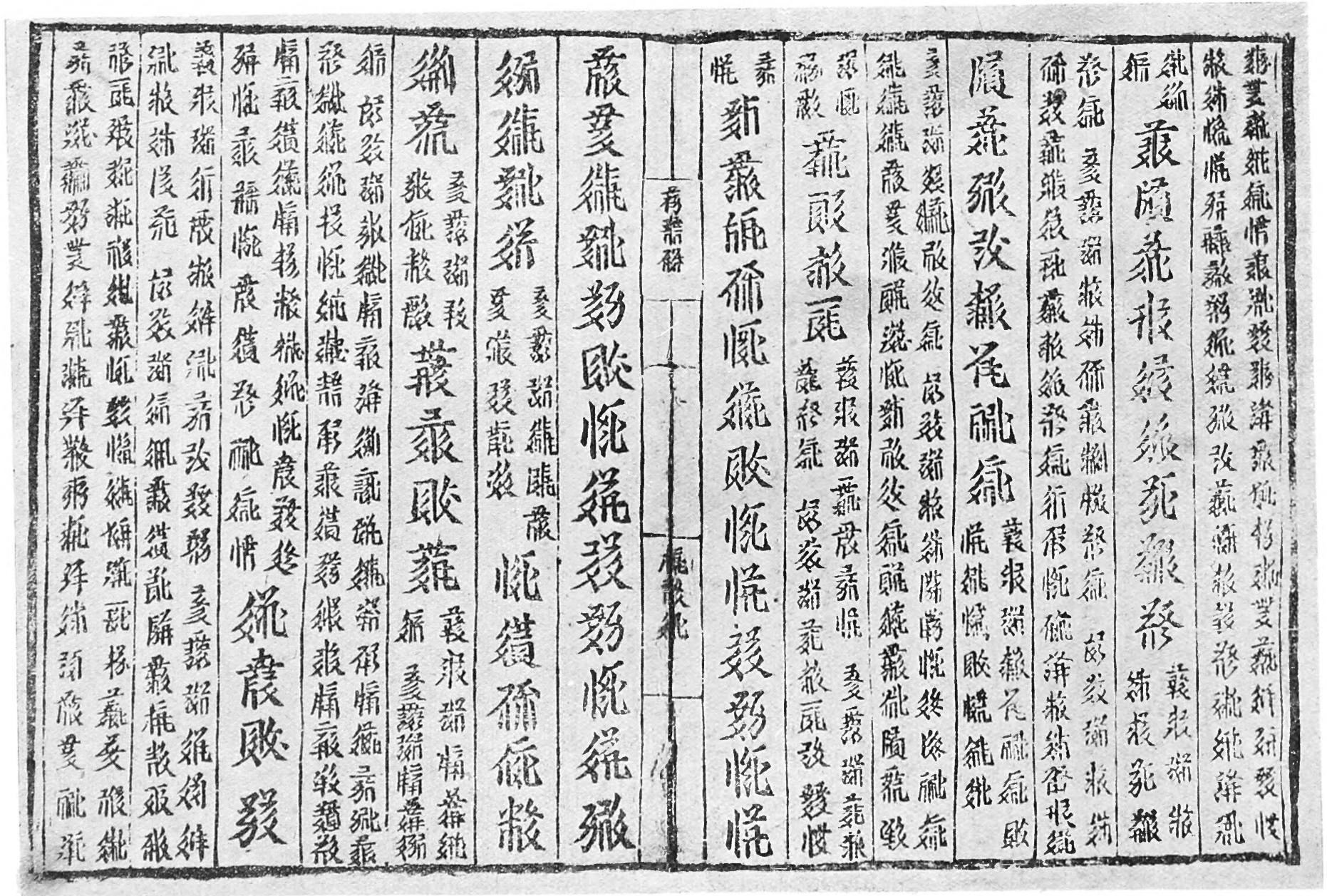
Помимо всего прочего в нашей коллекции имеется немало официальных документов и долговых обязательств, имеющих историческое и экономическое значение, но так как все эти документы написаны тангутской скорописью, — они до сих пор были мне почти совершенно недоступны. Однако я надеюсь, что аккуратное исследование скорописи и методов сокращения идеографов на основании переводов с китайского или тибетского языков, оригиналы которых известны, постепенно прольет свет и на эти документы.

Из всего вышеизложенного, представляющего собою лишь краткое описание некоторой разобранной части тангутского фонда Академии Наук, надеюсь, ясно показывает, насколько ценен наш фонд для всестороннего изучения погибшего Тангутского государства. Фонд этот в несколько раз превышает количественно все мировые фонды, взятые вместе, а в смысле его внутреннего содержания не может даже и сравниться с прочими фондами.

В дальнейшем, мне кажется, работа должна пойти в направлении обследования и издания материалов, могущих пролить свет на тангутский язык, и в направлении обследования политико-экономических сторон бывшего государства, для чего в первую очередь должны быть привлечены для исследования своды тангутских законов.

Март 1935.
Ленинград.

Таблица I



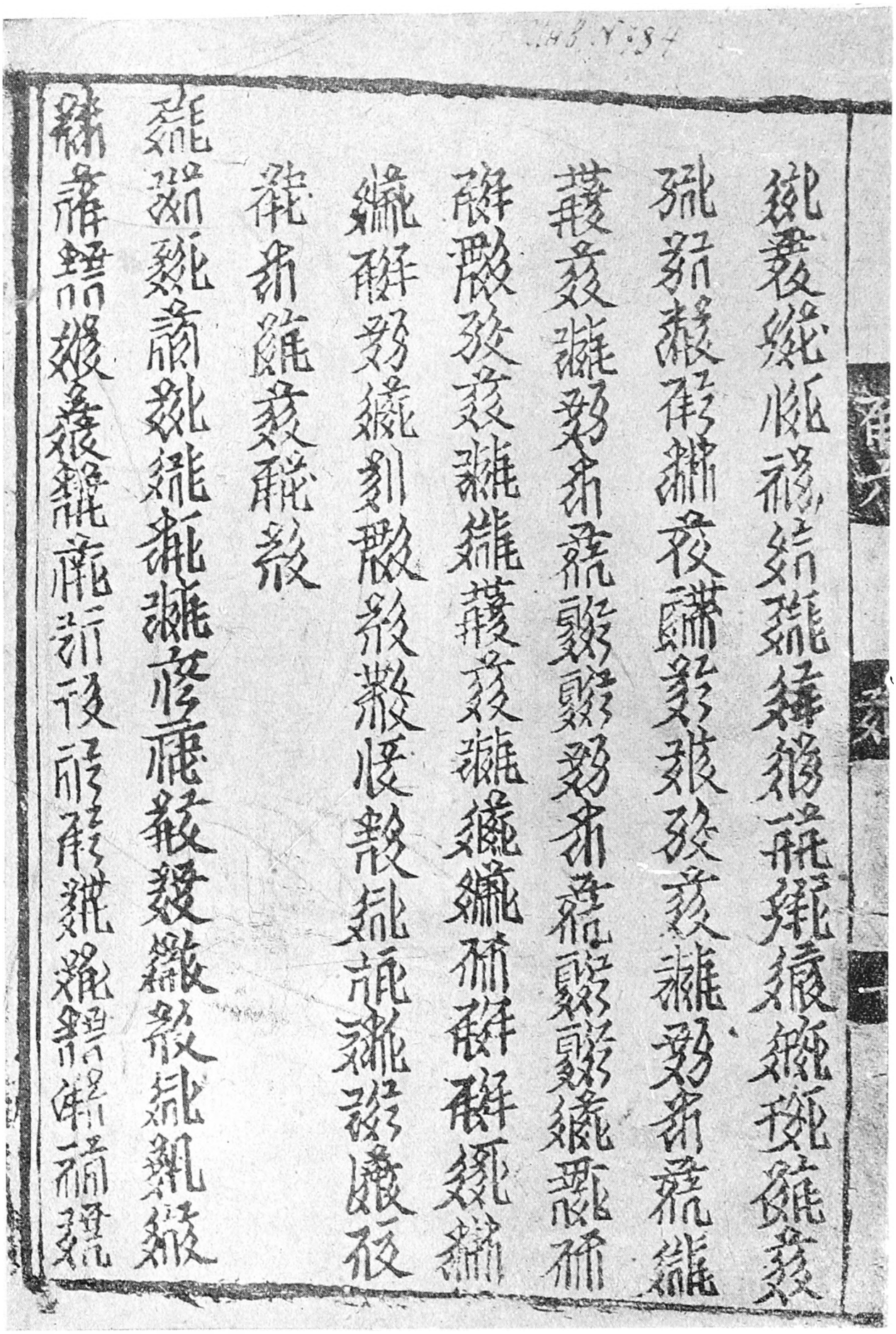
Лист из ксилографированного перевода «Военных текстов Сунь-цзы в трех комментариях».

Таблица II

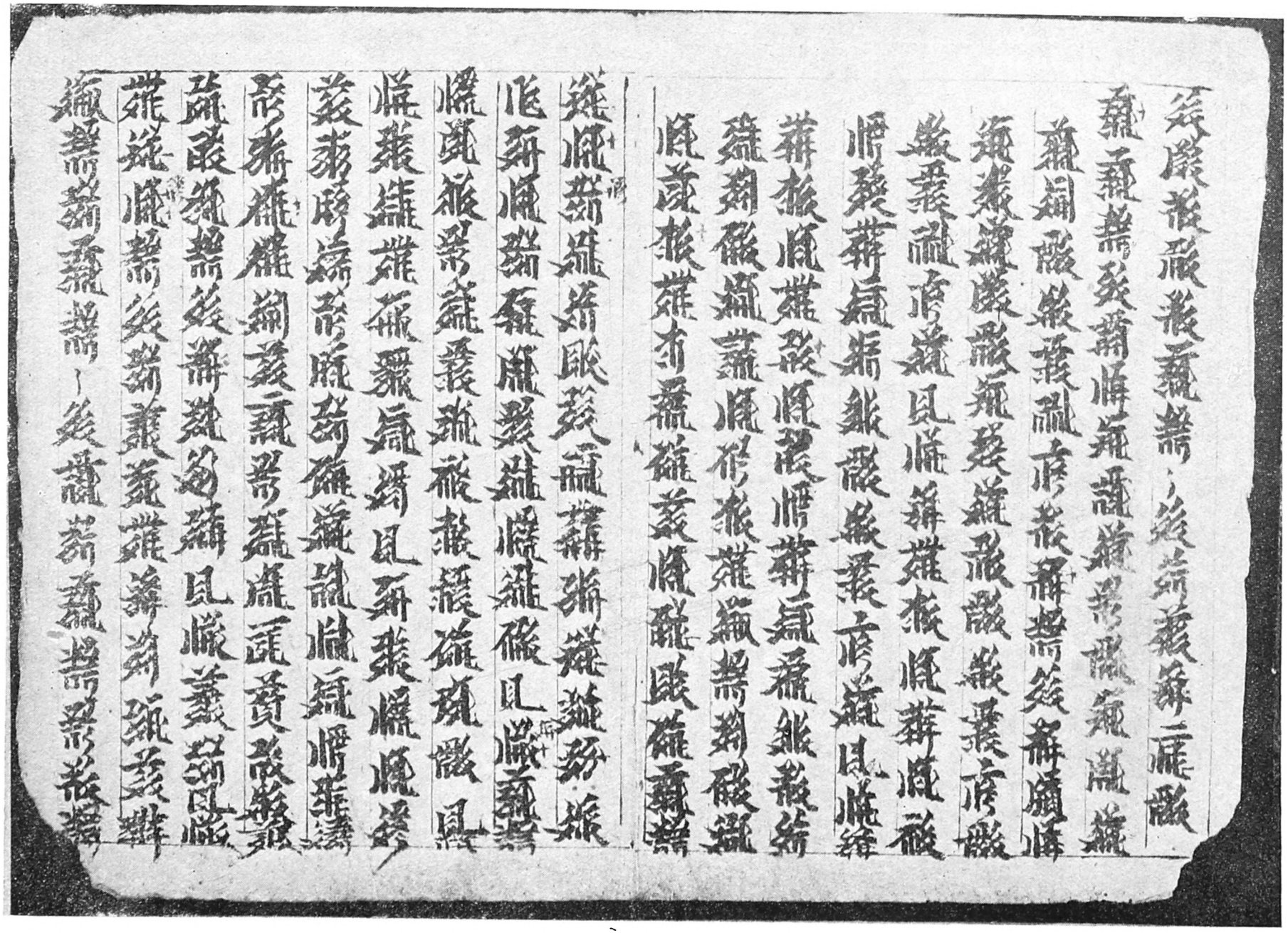
Лист из ксилографированного перевода «Сань-лио» Хуан Ши-гун'а.

Лист из рукописного перевода «Сяо-цзин чжуань» Сун'ского Люй Хуй-кин'а.

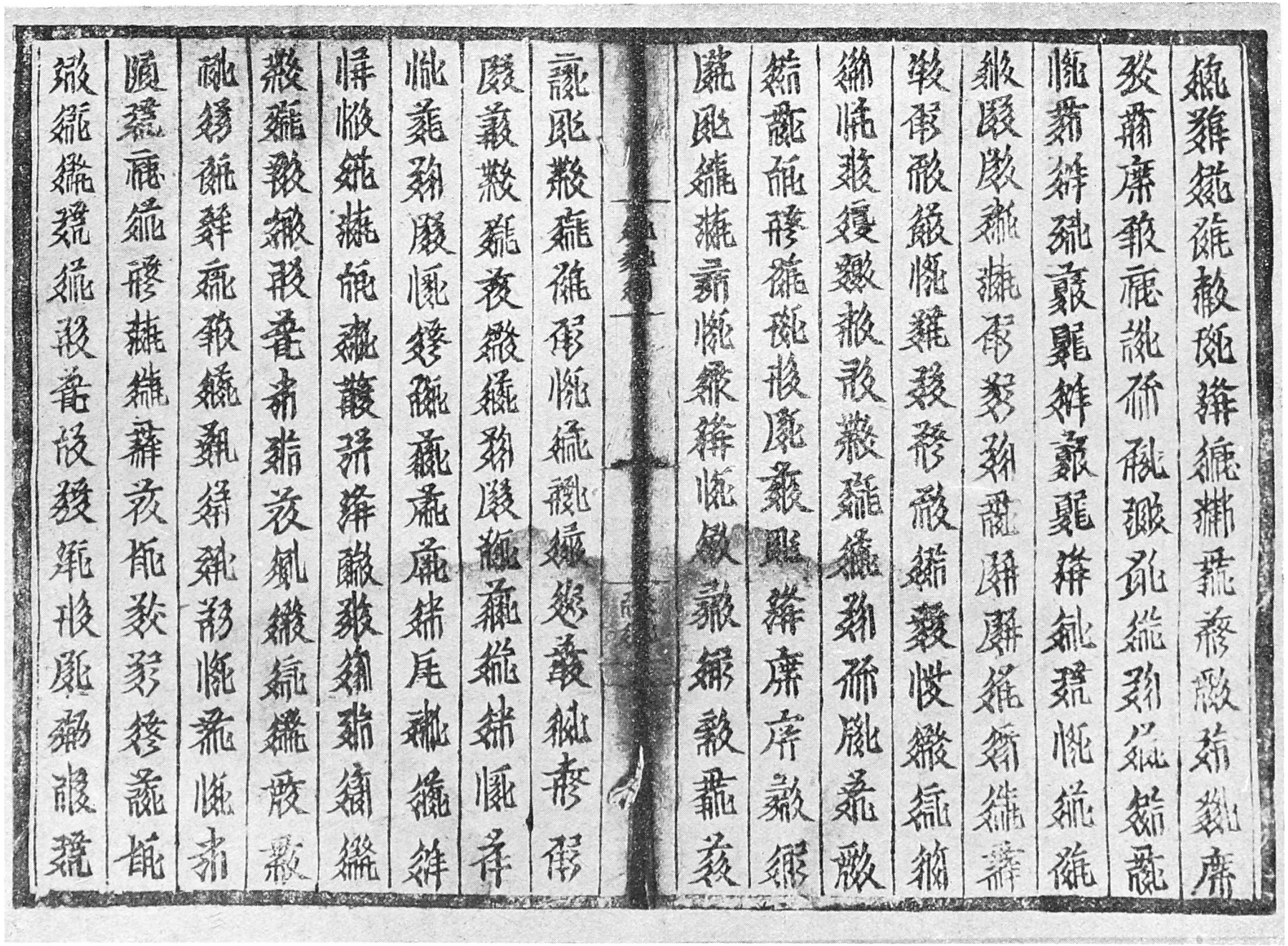
Таблица IV



Страница из ксилографированного перевода «Лунь-юй» с тангутским комментарием.



Один из фрагментов рукописного перевода «Мэн-цзы» с комментарием.



Лист из ксилографированного перевода «Чжэн-гуань чжэн-яо».